

Врач с седыми волосами и бородой перед уходом настойчиво наказал Нань Суминю не использовать внутреннюю энергию и по возможности не выходить из дома, храня покой и ясность духа. Нань Суминь, разумеется, не раздумывая, со всем согласился. Когда пришло время зажигать светильники, Цюй Шаньси тоже попрощалась с ним и вернулась в свою обитель Цинсичжу.

Нань Суминь, следуя её наставлению, проглотил пилюлю «Байцань». Это лекарство было поистине диковинным: огромная, невероятно горькая пилюля, которую нужно было проглотить целиком, едва не стала причиной того, что он задохнулся прямо в постели. Чжуйсин и Чжуюэ по очереди похлопали его по спине, и только когда их молодой господин наконец смог нормально дышать, они откланялись, чтобы отдохнуть в соседней комнате.

В ту ночь луна была яркой, а звёзды — редкими.

Когда луна достигла зенита, тусклые фонарики, плившие по реке у павильона Чжоуйсе, медленно рассеялись, и на воде внезапно забурлило течение. В девяти футах над землёй юноша в чёрном, ступая на широкий полупрозрачный меч без лезвия, бесшумно скользил по воздуху. Перед самым приземлением тяжёлый меч, подобно светлячкам, рассыпался и исчез. Юноша в чёрном легко и уверенно опустился на перила павильона, а затем, ловкий, словно дикий кот, отворил решётчатое окно у кровати Нань Суминя и пробрался в комнату.

Нань Суминь спал беспокойно, и хотя звук приземления юноши был едва уловимым, этого хватило, чтобы его разбудить. Спросонья он увидел распахнутое окно и тёмную фигуру у своей постели. Он в испуге попытался приподняться, но тут же дёрнул рану на груди, отчего невольно скривился от боли.

Чёрная фигура мягко прижала его к постели и, чтобы не разбудить двух слуг в соседней комнате, тихо прошептала:

— Не двигайся, это я, Ци Сан.

Нань Суминь припомнил голос и облик того юноши в чёрном, которого видел, когда только пришёл в себя, и, сопоставив их с неясным силуэтом, успокоился.

— Пойдёшь со мной в одно место, брат Линь Цюнчжи ждёт тебя.

Нань Суминь не понимал, что происходит, и подумал: неужели прежний хозяин тела часто промышлял подобными ночными вылазками с этими двумя братьями?

Он растерянно кивнул, осторожно сбросил одеяло и быстро накинул бамбуково-зелёный халат. Известно, кто из слуг — Чжуюэ или Чжуйсин — храпел в соседней комнате так громко, что никто из них не заметил происходящего.

Ци Сан сунул ему в руки две вещи. Одна была холодной на ощупь, квадратной, с какими-то

выгравированными письменами, которые в темноте нельзя было разобрать. Вторая — длинный кусок бумаги с неровными краями, на котором в темноте едва проступали извилистые узоры, нарисованные красно-чёрной краской, похожей на киноварь. Видя, что Нань Суминь медлит, он поторопил его:

— Живее, активируй талисман перемещения.

Нань Суминь опешил. Что значит активировать?

Не зная, как отказаться, он наспех придумал оправдание, повторив слова врача о запрете на использование внутренней энергии, чтобы скрыть своё полное невежество в вопросах духовной силы:

— Яд демона ещё не выведен, я не могу его активировать.

Ци Сан внезапно всё понял. Он положил свои холодные пальцы на запястье Нань Суминя, сжимавшее талисман. Внезапно поток незнакомой энергии через меридианы на запястье Нань Суминя устремился к кончикам его пальцев и, встретившись с узором из киновари на талисмане, потекла по линиям, словно по заколдованным тропам.

Ощущение было почти мистическим. Нань Суминь не мог описать его словами, он лишь чувствовал, что энергия исходит из какого-то более необъятного мира. В полубытьи ему даже почудилось, будто он воочию видит золотую реку, текущую сквозь ночную мглу...

Она когда-то текла через сосновый бор, казавшийся до боли знакомым, через золотой ветер морского заката, через вечные снега под горными облаками... А затем, впитав в себя этот холод, это величие, эту всепоглощающую гордость и безжалостность, спустя тысячи и десятки тысяч лет... влилась в этот крошечный водный павильон под полной луной.

В его сознании зазвучал призрачный, отдалённый голос, словно хор детей, нараспев читающих:

— Не имеющий формы и имени — исток всех вещей. Ни тёплый, ни холодный, ни тон, ни полутон; не услышать, как ни слушай, не увидеть, как ни вглядывайся; не познать на ощупь, не распробовать на вкус...

Хотя Нань Суминь не понял ни слова, этот голос вызвал у него странное, почти забытое чувство.

Он подумал: неужели это и есть духовная энергия?

Он застыл на месте, пока Ци Сан не помахал рукой у него перед глазами. Нань Суминь очнулся и обнаружил, что находится в ветхой хижине.

Стены были обмазаны глиной с примесью шелухи, но от старости штукатурка осыпалась,

обнажая потемневшее дерево. В углу лежала сухая трава, рядом валялась телега с отломанным колесом и груда разбитых горшков, покрытых толстым слоем пыли и паутиной.

Было ли это место всё ещё на борту судна Фаньсинчжоу — вопрос спорный, но очевидно, что это был уже не знакомый ему павильон Чжоюйсе.

— Это... — в замешательстве спросил он.

Сзади раздался холодный голос:

— Давно не виделись, А-Хун.

Нань Суминь обернулся и увидел юношу, невозмутимо стоявшего в свете свечи. Высокий, с бледной кожей, собранными в пучок волосами, узкими глазами и резкими чертами лица, он обладал пугающей, агрессивной красотой. Его глубокие чёрные зрачки казались бездонными, вызывая инстинктивный трепет.

Нань Суминь сглотнул и неуверенно произнёс:

— Брат Линь Цюнчжи?

Юноша с холодным лицом прямо спросил:

— Ты забыл всё, что было до ухода из гор?

Нань Суминь кивнул:

— Не буду скрывать, брат, это так... Из-за яда демона я временно не могу использовать внутреннюю энергию.

Он боялся, что если снова возникнет необходимость активировать талисманы полёта или перемещения, он снова попадёт впросак.

Лицо Линь Цюнчжи выражало крайнюю степень разочарования. Он долго смотрел в изумрудные глаза Нань Суминя, затем смягчился и сказал:

— Иди за мной.

Нань Суминь, ничего не понимая, вышел вслед за ним из лачуги. Оказавшись снаружи, он сразу понял, что это не внутри барьера Фаньсинчжоу — горный хребет Тяньхуэй, возвышающийся к северу от судна, был не виден.

Судя по грязной траве под ногами и заброшенным домам вокруг, это была какая-то покинутая деревушка у подножия гор.

Зачем меня сюда привели? Неужели решили избавиться от свидетеля?

Нань Суминь вздрогнул и поспешил за Линь Цюнчжи, за которым в темноте следовал Ци Сан. Трое обогнули заросшую тропинку, и перед глазами Нань Суминя возникли руины деревянной арки, а за ней — низкая сосновая роща.

Линь Цюнчжи ступал так легко, словно не касался земли — на траве после него не оставалось ни следа.

Лунный свет падал на сосны, дул холодный ветер, атмосфера стала зловещей.

Нань Суминь оказался последним. Он отважился растереть озябшие руки, прислушиваясь к прерывистому стрекоту осенних насекомых, и ускорил шаг. Перейдя через рощу, он увидел волка размером с небольшой холм. Чёрная, как грозовая туча, шерсть, кроваво-красные глаза, окровавленные когти — зверь лежал на поляне, израненный, с почерневшей от крови травой под брюхом. Он был слишком слаб, чтобы двигаться, лишь из ноздрей с хрипом вырывалось горячее, зловонное дыхание.

Вокруг него в землю были вбиты восемь тёмно-красных кольев. Они были окрашены кровью и, вероятно, пропитаны духовной силой. От их вершушек исходили золотисто-красные светящиеся цепи, сплетавшиеся в восьмиугольную сеть, которая подавляла зверя внутри барьера.

Это был первый раз, когда Нань Суминь увидел нечеловеческого монстра, и его вид был поистине шокирующим. Сердце Нань Суминя ушло в пятки, ноги стали ватными. Инстинкт требовал бежать прочь от этой опасности, но, посмотрев на невозмутимых спутников, он пробормотал про себя: «Что ж, это мир совершенствующихся», — и, стиснув зубы, последовал за ними.

Зверь, запертый в клетке, при виде людей, пленивших его, попытался поднять голову. Он оскалил белые клыки и издал хриплый рык, полный угрозы. Однако Линь Цюнчжи и Ци Сан даже не дрогнули.

— Этот пёс-демон был целью нашего с тремя другими учениками павильона Цзянфэн похода в Чаоянган. Не знаю почему, но приказ был взять его живым, — сказал Ци Сан.

Линь Цюнчжи добавил:

— И правда странно. Обычно таких диких зверей без зачатков разума просто убивают, в крайнем случае забирают ядро демона, чтобы отчитаться.

— Чаоянган находится всего в ста ли в от Северной Бездны, куда три месяца назад отправился наш наставник. Здесь явно что-то кроется. Но я не могу позволить тем троим из павильона Цзянфэн узнать, что мы ведём собственное расследование, поэтому пришлось потревожить вас сегодня, до того как мы встретимся с ними.

Линь Цюнчжи повысил голос:

— А-Хун, ты узнаёшь этого пса?

Нань Суминь, шедший позади, не был столь спокоен. Красные глаза волка сверкали, и на мгновение он почувствовал головокружение. Сердце бешено забилося, рана на груди начала пульсировать жгучей болью. Перед глазами потемнело, и та знакомая боль, что долгое время дремала, внезапно обрушилась подобно цунами.

Как больно...

Но Нань Суминь тут же заметил, что эта головная боль была другой. Вместе с невыносимым страданием в его сознании начали всплывать смутные картины: длинный меч... кровь... утёс... чудовище... Он не мог разглядеть их чётко, будто смотрел сквозь туман.

Нань Суминь, пытаясь разглядеть эти видения, побледнел, застонал и невольно опустился на колени.

Ци Сан, услышав стон, обернулся, испугался и бросился на помощь. Но в ушах Нань Суминя стоял гул, он не слышал его, лишь видел, как шевелятся губы Ци Сана.

Картины в его мозгу всплывали, словно пузыри, накладываясь на реальность.

Да... тогда кто-то тоже вот так обнимал его, прося продержаться, продержаться до возвращения главы Цюй.

Нет, не так.

Он просил продержаться Нань Чичжи.

<http://bllate.org/book/19119/1877636>